

Научная статья

УДК 170 + 174.5

doi: 10.17223/1998863X/87/4

ПОСТПРАВДА И ЕЁ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ: РОЛЬ ЛОГИЧЕСКОЙ ЧЕСТНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИИ

Ангелина Валерьевна Петрова¹, Всеволод Адольфович Ладов²

^{1, 2} *Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Томск, Россия*

¹ *angelina.gukovaa@yandex.ru*

² *ladov@yandex.ru*

Аннотация. В статье проанализированы концепции постправды в работах Л. Макин-тайра и М. Д'Анконы через метаэпистемологический принцип логической честности. Показано, что риторические и методологические напряжения в их теориях подрывают когнитивную согласованность. Принцип логической честности предлагается как инструмент преодоления этих слабостей и укрепления эпистемологической практики.

Ключевые слова: постправда, логическая честность, метаэпистемология, когнитивная строгость, этическая ответственность, рефлексивная самокоррекция

Для цитирования: Петрова А.В., Ладов В.А. Постправда и её эпистемологические вызовы: роль логической честности в исследовании // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 35–41. doi: 10.17223/1998863X/87/4

Original article

POST-TRUTH AND ITS EPISTEMOLOGICAL CHALLENGES: THE ROLE OF LOGICAL HONESTY IN RESEARCH

Angelina V. Petrova¹, Vsevolod A. Ladov²

^{1, 2} *Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation*

¹ *angelina.gukovaa@yandex.ru*

² *ladov@yandex.ru*

Abstract. This article examines the phenomenon of post-truth through the lens of the meta-epistemological principle of logical honesty. The term “post-truth” has become a key marker in contemporary debates in philosophy, political theory, and the sociology of knowledge, yet its conceptualization often suffers from internal inconsistencies. The works of Matthew D’Ancona (Post-Truth, 2017) and Lee McIntyre (Post-Truth, 2018) offer authoritative approaches to understanding post-truth as a cultural and political phenomenon, but they reveal methodological weaknesses that undermine analytical rigor. The aim of the article is to demonstrate how the principle of logical honesty can diagnose and correct these weaknesses, enabling a more consistent investigation. Logical honesty integrates three dimensions: cognitive rigor (logical consistency and avoidance of performative contradictions), ethical responsibility (sincerity, avoidance of rhetorical manipulation, impartiality), and reflexive self-correction (critical evaluation of one’s own epistemological assumptions). The analysis shows that McIntyre frames post-truth both as a cultural epoch, in which facts lose normative authority, and as a deliberate strategy of political manipulation. This dual framing generates a performative contradiction: while facts are described as socially undermined, the normative critique presupposes their objective status. D’Ancona, in

turn, dramatizes post-truth as the “triumph of the intuitive and tribal over the empirical and rational”, producing a persuasive but overly hyperbolized narrative. Logical honesty addresses these tensions by distinguishing the ontological and social status of facts, replacing rhetorical dramatization with empirical case studies, and explicitly articulating the researcher’s epistemological commitments. The article demonstrates how applying the principle of logical honesty makes the analysis of post-truth more coherent, reflexive, and ethically responsible, while providing a methodological framework for integrating logic and ethics in epistemological inquiry.

Keywords: post-truth, logical honesty, meta-epistemology, cognitive rigor, ethical responsibility, reflective self-correction

For citation: Petrova, A.V. & Ladov, V.A. (2025) Post-truth and its epistemological challenges: the role of logical honesty in research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 87. pp. 35–41. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/4

Термин «постправда» вошел в философский и общественный обиход как характеристика состояния публичного дискурса, в котором объективные факты утрачивают авторитет в пользу эмоциональных апелляций, устоявшихся культурных представлений и медиальных манипуляций. Несмотря на различия трактовок, «постправда» в основном описывается как системный сдвиг в публичной рациональности и инфраструктуре знания. Этот феномен был детально проанализирован в работах Ли Макинтайра «Post-Truth» и Мэтью Д’Анконы «Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back», чьи концепции фиксируют подрыв доверия к эпистемическим институтам и описывают постправду как симптом кризиса современной рациональности.

Помимо концепций Л. Макинтайра и М. Д’Анконы в англоязычном и европейском дискурсе постправда осмыслялась и в других исследовательских парадигмах. Так, Р. Киусс в своей статье «Post-Truth as Crisis of Trust and Critical Source Assessment» формулирует её как следствие кризиса доверия к экспертным сообществам, а С. Фуллер в работе «A Player's Guide to the Post-Truth Condition: The Name of the Game» связывает с эпистемологическим поворотом в науке и распространением релятивизма. Однако именно Макинтайр и Д’Анкона наиболее репрезентативны для философского и общественного обсуждения постправды: первый задаёт аналитическую рамку, фиксирующую её как кризис эпистемических институтов, второй артикулирует публичное измерение феномена через его культурно-политическую драматизацию. Их позиции стали точками кристаллизации последующих дискуссий, что оправдывает их выбор в качестве предмета критического анализа.

Однако при всей продуктивности авторских подходов к исследованию феномена предложенная концептуализация постправды сопровождается рядом методологических трудностей. Для их анализа и преодоления в настоящей статье предлагается использовать метаэпистемологический подход, основанный на принципе логической честности. Этот принцип объединяет три ключевых измерения: когнитивную строгость, этическую ответственность и рефлексивную самокоррекцию, обеспечивая комплексное рассмотрение концепций и методов их обоснования [1].

Когнитивный аспект требует строгого следования формальным законам и структурным требованиям логики: логическая согласованность и обосно-

ванность рассуждений выступают здесь необходимым условием надёжного знания и его воспроизводимости.

Этический аспект подчёркивает моральную ответственность исследователя по отношению к истине – искренность, непредвзятость и отказ от намеренного искажения данных или аргументации даже в тех случаях, когда искажение может казаться оправданным «высшими» целями.

Метапознавательная рефлексия требует от субъекта осознания собственной уязвимости перед ошибкой и готовности к постоянной самокоррекции, что служит защитным механизмом против систематических искажений. В совокупности эти три компонента образуют метапринцип, определяющий надёжность не только отдельных выводов, но и методологических процедур исследования; игнорирование любой из составляющих логической честности ослабляет эпистемическую обоснованность результатов и подрывает доверие к исследовательской практике.

В исследованиях постправды центральным тезисом является идея о том, что в современном медиальном пространстве истина перестаёт быть универсальной и объективной категорией и всё более приобретает характер социального продукта, формируемого интересами групп, логикой цифровых платформ и эмоциональными ожиданиями аудитории. Такой подход позволяет объяснить феномены дезинформации, «альтернативных фактов» и влияния цифровых платформ на публичное мнение, но одновременно использует категории научной рациональности, что создаёт внутреннее эпистемологическое напряжение.

В итоге когнитивная сложность в исследованиях постправды проявляется в том, что, описывая истину как социально-конструируемую и уязвимую для манипуляций алгоритмами и медиапрактиками, авторы одновременно опираются на объективистский подход к анализу. Сочетание этих методов фиксируется не только на уровне общей концептуализации, но и в исследовательских процедурах: диагностика постправды выстраивается с помощью причинно-следственного анализа, статистических данных и разбора кейсов, что предполагает признание объективных критериев верификации.

Это особенно заметно в том, как формируется сам диагноз постправды у Ли Макинтайра. Он подчёркивает, что «постправда означает, что факты всегда можно оттенять, выбирать и представлять в политическом (социальном) контексте так, чтобы он благоприятствовал одной интерпретации истины над другой» [2. Р. 6], и предупреждает: «постправда – это не столько утверждение, что истины не существует, сколько то, что факты подчиняются нашей точке зрения» [2. Р. 11]. Тем не менее в этом смысле релятивизация понимается не как онтологическое отрицание истины, а как её социальное обесценивание: массы перестают принимать факты в качестве эпистемического ориентира. Он указывает, что в условиях постправды «чувства иногда имеют большее значение, чем факты» [2. Р. 13] и «никто не оспаривает очевидный или легко проверяемый факт без причины; это происходит тогда, когда это выгодно человеку. Когда убеждения человека подвергаются угрозе со стороны «неудобного факта», иногда предпочтительнее оспорить сам факт» [2. Р. 13]. Поэтому использование научного инструментария – причинно-следственного анализа, статистики, кейсов дезинформации – оказывается вполне согласованным с его реалистской установкой.

Однако на уровне метаэпистемологической организации концепции всё же возникает противоречие: описывая постправду как состояние социума, в котором подорвано доверие к эпистемическим институтам и факты теряют социальное влияние, Л. Макинтайр невольно придаёт истине черты социального конструкта, определяемого условиями коммуникации. Это означает, что критика постправды одновременно предполагает признание и отрицание онтологической самостоятельности фактов: они описываются как подверженные политизации и личностным предпочтениям, но именно их объективный статус берётся за норму, нарушение которой и фиксируется как упадок рационального дискурса. Эта двойственность – между аналитическим описанием фактов как социально уязвимых и нормативным утверждением их объективного статуса – и образует характерное напряжение, которое можно диагностировать как нарушение принципа логической честности.

Логическая неоднородность проявляется и в том, что Л. Макинтайр трактует постправду одновременно в двух модусах: как культурно-онтологический феномен и как инструмент целенаправленной манипуляции. В первом случае речь идёт о макросоциальном диагнозе, во втором – о конкретной политической практике, выражающей «не просто попытку обмануть, а утверждение идеологического господства» [2. Р. 10]. Переход от анализа кейсов научного отрицания – таких как споры о климате или вакцинации, в которых, по мнению автора, наиболее ярко выражаются описанные выше характеристики восприятия истины, – к более широкой характеристике постправды как культурного сдвига сопровождается подменой уровня объяснения: локальные практики стратегического искажения знания экстраполируются до статуса эпохального признака. В результате понятие оказывается концептуально нестабильным, а когнитивное напряжение фиксируется как несогласованность между описательными и нормативными измерениями теории.

Сходное напряжение наблюдается и в концепции Мэтью Д'Анконы. С одной стороны, он определяет постправду как фундаментальное культурное смещение, затрагивающее базовые механизмы общественной коммуникации. Смещение, в котором имеет место быть «не правдивость, а воздействие... торжество интуитивного над рациональным, обманчиво простого над честно сложным» [3. Р. 18]. С другой стороны, М. Д'Анкана утверждает, что необходимо восстановить уважение к фактам и рациональному анализу, чтобы противостоять манипуляциям и дезинформации. В этой концепции постправда похожим образом описывается как состояние общества, в котором сами основания эмпирического знания утрачивают авторитет, но при этом сохраняется обращение к объективным стандартам как к ресурсу, к которому ещё можно апеллировать. Таким образом, внутренняя логика теории оказывается двойственной: истина мыслится одновременно как культурно-подорванный институт и как нормативный ориентир, подлежащий восстановлению. Эта раздвоенность не равна простому отрицанию истины, но создаёт когнитивное напряжение – призыв к возвращению к фактам и научной строгости опирается на то самое основание, чья потеря описывается как сущность постправды.

Л. Макинтайр и Мэтью Д'Анкона, описывая феномен постправды, используют риторические стратегии, которые сами становятся источником метаэпистемологических проблем. Л. Макинтайр, трактуя постправду как соци-

альную эпоху, в которой подрывается доверие к эпистемическим институтам, существенно расширяет масштаб обсуждаемого явления. Тем самым частные практики манипуляции в политике (автор опирается на пример Brexita – добровольного выхода Великобритании из Европейского союза), медицинском (антивакцинаторские нарративы) или климатическом дискурсе – подаются не только как примеры стратегического искажённого производства знания, но и как симптомы культурно-онтологического кризиса. Такая гиперболизация усиливает экспрессивный эффект его аргументации, но одновременно вносит элемент риторической манипуляции: разоблачая апелляцию к эмоциям у оппонентов, Макинтайр сам прибегает к драматизации. Этическая уязвимость здесь состоит в нарушении когнитивной симметрии: критика направлена на «другую сторону», тогда как собственные риторические приёмы (категоричность, нагнетание тревоги) остаются вне зоны рефлексии. Это подрывает логическую честность его концепции, так как критерий объективности используется избирательно.

Аналогичная ситуация наблюдается у Мэтью Д’Анконы. Определяя постправду как «искусство лжи, потрясающее саму основу знания» [3. Р. 34], он использует метафорическую гиперболизацию, которая придаёт феномену масштабы цивилизационного «переворота». Здесь возникает сложность: если факты утратили культурный авторитет, то на каком «внепостправдивом» основании возможен призыв к восстановлению престижа факта? Автор избегает артикуляции собственного эпистемологического фундамента, имплицитно опираясь на объективные стандарты, которые одновременно описывает как дискредитированные. Тем самым он воспроизводит ту же двойственность, что и Л. Макинтайр: усиливает аргумент с помощью драматизации и эмоциональных апелляций, но оставляет вне поля зрения собственные предпосылки. С метаэпистемологической точки зрения это фиксирует рефлексивную слабость – нарушение логической честности, при котором разоблачение манипуляций сопровождается их частичным воспроизведением в самой исследовательской позиции.

Принцип логической честности может стать инструментом преодоления тех методологических и концептуальных трудностей, которые проявляются в работах Л. Макинтайра и М. Д’Анконы. На когнитивном уровне он позволил бы устранить противоречие между описанием истины как социально обесцененного конструкта и одновременным использованием объективистских методов анализа (статистики, кейс-стади, причинно-следственных связей). Вместо имплицитного совмещения несовместимых установок авторы могли бы явно артикулировать двойной статус истины: как онтологически независимого стандарта и как социально уязвимого эпистемического ресурса, что обеспечило бы внутреннюю непротиворечивость их концепций. На этическом уровне логическая честность требует отказаться от риторической драматизации – например, от гиперболических метафор, которые усиливают эмоциональное воздействие, но воспроизводят ту же стратегию апелляции к аффектам, что и описываемые ими постправдивые практики.

Конкретной коррекцией здесь могло бы стать ограничение масштаба обобщений: рассматривать постправду не как «цивилизационный перелом», а как совокупность институциональных и медийных механизмов, поддающихся анализу и исправлению. Наконец, на рефлексивном уровне логическая

честность предполагает разъяснение собственных эпистемологических оснований: авторам следовало бы прямо обозначить, на каком основании они сохраняют веру в объективность фактов, если их культурный авторитет описывается как утраченный. Такая ясность позволила бы избежать перформативного противоречия, при котором призыв к восстановлению престижа фактов строится на допущении, что этот престиж ещё доступен для апелляции. В совокупности эти шаги – артикуляция двойного статуса истины, отказ от драматизации и уточнение эпистемологической позиции – сделали бы концепции постправды более когнитивно устойчивыми и этически консистентными.

Анализ концепций постправды, предложенных Ли Макинтайром и Мэтью Д'Анконой, показал, что обе исследовательские программы сталкиваются с метаэпистемологическим напряжением. С одной стороны, постправда определяется ими как культурно-коммуникативный сдвиг, подрывающий авторитет фактов и рациональных процедур; с другой – критика этого сдвига неизбежно апеллирует к объективным стандартам истины, которые в рамках их собственных описаний оказываются дискредитированными. Такая двойственность порождает противоречие, ослабляющее когнитивную устойчивость и этическую стабильность их теорий.

Принцип логической честности, предложенный в настоящей статье в качестве метаэпистемологического критерия, позволяет обнаружить и ослабить эту внутреннюю противоречивость. Следование этому принципу делает возможным более целостное и методологически непротиворечивое осмысление феномена постправды.

Таким образом, принцип логической честности не только выявляет внутреннее напряжение в теориях постправды, но и задаёт методологическую рамку, способную интегрировать когнитивные, этические и рефлексивные измерения в исследовании современных трансформаций знания. Его использование позволяет сделать дискурс о постправде более последовательным, аналитически строгим и этически ответственным, тем самым укрепляя доверие к эпистемологической практике в условиях кризиса публичной рациональности. В этом смысле принцип логической честности выступает не только как нормативное требование к исследовательской практике, но и как инструмент преодоления тех методологических и риторических слабостей, которые в настоящий момент ограничивают продуктивность дискурса о постправде.

Список источников

1. Петрова А.В. Логическая честность: интеграция логики и этики в эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 68–75. doi: 10.17223/1998863X/82/6
2. McIntyre L. *Post-Truth*. Cambridge, MA : MIT Press, 2018. 256 p.
3. D'Ancona M. *Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back*. London : Ebury Press, 2017. 352 p.

References

1. Petrova, A.V. (2023) Logical honesty: The integration of logic and ethics in epistemology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State university Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 58–75. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/82/6
2. McIntyre, L. (2018) *Post-Truth*. Cambridge, MA: MIT Press.

3. D'Ancona, M. (2017) *Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back*. London: Ebury Press.

Сведения об авторах:

Петрова А.В. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Ладов В.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией логико-философских исследований, ведущий научный сотрудник Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: ladov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Petrova A.V. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Ladov V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), full professor, leading researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.08.2025;
одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 24.10.2025*

*The article was submitted 23.08.2025;
approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*